

Каталкин — капитан строгих правил

Свое дело, в современном смысле этого слова, на эстраде он начал сравнительно недавно. Последний из слободкинских мозикан, Александр Буйнов организовал новый коллектив — «Чао», с которым и гастролирует теперь в ближнем и дальнем зарубежье. Его имидж, сложившийся еще в «Веселых ребятах», — фирменный шоумен. Умения заводить публику с пол-оборота ему не занимать. Одно слово — Буйнов!

— Александр, ты нынче закончил учебу в бывшем ГИТИСе. Наверное, теперь будет не до эстрады!

— Почему же? Как раз наоборот. Я же учился по самой что ни на есть эстрадной профессии — буду дипломированным режиссером.

— Неужели собираешься завязать с сольной работой и перейти на постановочную?

— В каком-то смысле это уже произошло. Последнюю программу «Капитан Каталкин и другие...» я поставил сам. Фактически это моя дипломная работа в институте. Ее, кстати, показало российское телевидение.

— Так что защищался ты перед всей Россией!

— Не только. На Украину, в Прибалтику с ней выезжал.

— Кстати, а как теперь работаете нашим артистам за границей?

— Как работаете? Нормально. Я на себе чего-то такого негативного не замечал. Публика ходит, пресса пишет, ТВ

и радио тамшние тоже не забывают. И это касается не только меня одного. Можно провести границы между новыми государствами, но между культурами столбов с колючей проволокой не набьешь.

— Теперь за границу съездить — не событие.

— Как сказать. Но вообще насчет ближней заграники — чушь это, если говорить по большому счету. У меня, например, спонсоры, фирма «Эркер», в Риге живут. Так что ж, нам теперь все отношения равны? Дружим, как дружили. Может, даже еще дороже друг для друга стали.

— Сегодня тебе работаете легче, чем лет 5 назад, или тяжелее?

— Конечно, тяжелее. Я же вырос на этой земле, всеми ее болячками, как многие, переболел; да и зрители мои на концерт тоже не с Марса прилетают. Всем сегодня очень тяжело. Поэтому, когда я слы-

шу, что кто-то из моих коллег где-то на концертах «прогорел», — переживаю, не злорадствую.

— Но на твоих по-прежнему аншлаги...

— Как это ни неприятно, но и на моих концертах, и на концертах наших самых «крутых» «звезд» зрителей поубавилось. Сейчас, как мне кажется, артистам надо как-то объединяться, бороться за зрителя. Нельзя цены повышать на билеты и нельзя прежним «чесом» заниматься. Я халтуру всегда презирал, а в наше время она вообще опасна: бросает тень на всю эстраду.

— Но сейчас она проходит! Эстраду заполонила разухабистая цыганщина. Тут тебе и «Гуляй, анархия», и бесконечные «секс-машинки».

— Ну, я-то человек строгих правил.

— Вот я и хочу тебя спросить: схлынет эта пена или нет!

— Схлынуть-то схлынет. В этом я уверен. Но вот спроси меня, когда, и я промолчу. Трудно сказать что-то конкретное. Наш и без того «легкий» жанр стал еще «легче». Но ты же сам понимаешь, что сейчас выживает тот артист, чья работа покупается. Если покупают, значит, мы вошли в полосу псевдоидеалов? Хотя я и не согласен, что именно они определяют сегодняшний уровень эстрады. Остались же и Леонтьев, и Пугачева...

— Да, вот о Пугачевой. Говорят, что у тебя с нею был роман!

— Односторонний. И очень давно. Вообще эта женщина занимает в моей жизни, не при жене будь сказано, очень важное место. Она ж меня даже в комсомол когда-то принимала!

— В партию не предлагала!

— До этого у нас не дошло... А если серьезно, то годы, проработанные с нею в «Веселых ребятах», для меня остались светлым моментом... Это

удивительно творческая личность, это аккумулятор, который заряжает всех, кто рядом. За это я ее всегда и любил. А еще за то, что никогда не возносились над друзьями, не делала, знаешь, такую «маму». Хотя она страшно популярный, невероятно известный человек.

Мне кажется, что она натура страдающая, болезненно переживающая все то, что происходит вокруг. Мы довольно часто встречаемся, и я вижу, как ей сегодня живется. Непросто...

— То, что ты любишь Пугачеву, хорошую музыку и свою работу, я уже понял. А есть у артиста Буйнова привязанности, о которых читатели пока не знают!

— Наверное, это моя собачка и железки.

— Железки! Металлолом, что ли!

— Почти. Автомашинны. Сколько их у меня было! Я их с удовольствием ремонтировал сам. Благо, наши машины позволяют заниматься этим делом довольно часто.

— Ты играл в «Араксе», «Цацехах», «Скоморохах» и «Веселых ребятах». Все коллективы со сложной судьбой. В каждом из них было несколько равных по силе музыкантов, которые затем, создавая свои ансамбли или группы, как-то развивали нашу эстраду. Мне кажется, «Веселые» недавних лет, еще с Буйновым и Глызиным, были последней такой «кузницей кадров».

— Нет. С распадом того состава «Веселых» эта традиция не ушла из жизни. Просто раньше нас, ансамблей и солистов, было меньше, мы скорее запоминались зрителям, у нас были более профессиональные, чем у многих сегодняшних групп, продюсеры. Да и личности на эстраде были более заметные. Может, потому, что тогда еще не было такого обилия техники, электроники, которая сегодня «скрывает» не только какие-то отдельные недостатки вокалистов, но порой и полное отсутствие голоса. А тот, кто работал всю жизнь «живьем», вырастал быстро. Поэтому, когда сегодня я вижу на сцене манекены, работающие в лучшем случае под свою, а то и под чужую фонограмму, я не жду от этого ансамбля новых «звезд». Откуда же им взяться при чисто коммерческом подходе к искусству?

Я вспоминаю годы, когда мы только начинали играть. Играть рок. Покоренные музыкой «Битлз», мы на каждом концерте выкладывались так, что, казалось, больше уже нет сил. Вот я и мечтаю еще раз дожить до времени, когда это повторится...

Г. БЕЛКИН.

Фото С. Борисова.